

У Шовэй не отреагировал.

Он не то чтобы не хотел реагировать, просто его нервы и даже кровь словно застыли в тот самый миг, когда прозвучали те шесть слов.

Зайди ко мне в комнату. Сейчас.

Это не признание в любви, это вызов на допрос. Похоронная бумажка, которую Янь-ван прислал среди ночи.

Смотровая площадка сошла с ума! Съёмочная группа сошла с ума! Генеральный директор Чи тоже сох с ума! А-а-а, обожаю безумцев!

Маленький кролик, шевелись! Ну двинься же! Не пугай меня!

Идти или не идти, вот в чем вопрос. Пойдешь — пасть волка; не пойдешь — вырвешь зуб у тигра. Смерть в любом случае!

Это что, то, на что мне разрешено смотреть! Это романтическое шоу или уголовное дело!

Змееподобный сошел с ума! Совсем с ума сошел! Позвал человека к себе в комнату на глазах у всей страны!

Маленький кролик, не ходи! Пойдешь — не сбережешь невинность! Матушка не разрешает!

Да что ты понимаешь, матушка! Хозяин сам позвал свою душу! Это конфетка! Огромная конфетка! Дайте мне за нее умереть!

Быстро иди! Чего ты медлишь? Я уже штаны снял, только этого и ждал!

— Не смей идти!

Яростный рев Цзян Сяошуая прозвучал раскатом грома, возвращая рассеянный разум У Шовэя на место. Он изо всех сил вцепился в руку У Шовэя, с такой силой, будто хотел вплавить пальцы в его кости.

— Ты слышал меня, нет?! У Шовэя! Не смей идти! Да кто он такой вообще?! Он велел тебе идти, и ты пойдешь?

В холле режиссер неловко прокашлялся, пытаясь довести дело до конца:

— Э-э, ну что ж, сегодняшний маскарад... на этом подошел к концу. Спасибо всем гостям за участие...

Его голос становился все тише, потому что его банально никто не слушал.

Взгляды всех присутствующих, словно лучи прожекторов, были прикованы к У Шовэю, Цзян Сяошуаю и неподвижному, похожему на статую Чи Чэну.

У Шовэй чувствовал себя так, будто его заживо жарят на углях, а снизу еще и направлена камера высокой четкости, ведущая трансляцию на всю страну.

Разве он мог не пойти?

Сейчас он — подчиненный Чи Чэна.

Этот статус, словно невидимые оковы, намертво затянулся у него на шее на глазах у всех.

Он глубоко вздохнул, ответным движением похлопал Цзян Сяошуаю по тыльной стороне ладони, а его голос прозвучал сухо, будто терлась наждачная бумага:

— Сяошуай, все в порядке.

— Какое, к черту, в порядке! Ты называешь это в порядке?! — Цзян Сяошуай был близок к тому, чтобы сойти с ума от злости.

— Я должен пойти, — голос У Шовэя звучал тихо, но в нем слышалось смиренное спокойствие.
— Теперь он мой начальник.

Паршивый капиталист.

У Шовэй разжал его пальцы и тихо произнес:

— Не переживай.

Он пошел! Он и правда пошел!

Ой-ой-ой, спина Сяо Вэя такая решительная и такая жалкая, словно он собрался на плаху.

Что это за чертовщина уровня травли на рабочем месте! Я буду жаловаться!

Те, кто пишут сверху, не будьте наивны! Это же очевидно принудительная любовь властного гендиректора! Это для остроты ощущений! Чего вы понимаете!

Ставлю пять мао, что после сегодняшней ночи кровать в номере 301 сломается.

У Шовэй направился напрямиком к лестнице, ведущей наверх.

Шаг, второй...

Каждый шаг казался движением по лезвию ножа.

Он не оглядывался, напрямиком поднялся на третий этаж и подошел к двери комнаты 301.

Дверь была приоткрыта, сквозь узкую щель сочился тусклый свет, напоминая пасть чудовища, затягивающую в бездну.

У Шовэй замер на пару секунд, протянул руку и толкнул дверь.

Верхний свет в комнате не горел, была включена лишь одна тусклая торшерная лампа.

Чи Чэн уже снял пиджак, оставшись в черной рубашке, рукава которой были небрежно закатаны до локтей, обнажая рельефные предплечья.

На нем не было той маски жнеца смерти, и его красивое, до крайности хищное лицо сейчас скрывалось в полумраке, а выражение было непредсказуемым.

Он стоял у окна спиной к двери и с кем-то разговаривал по телефону.

— ...Мм, я понял. Пусть Ван Шо пока поживет здесь, не позволяй ему шастать где попало.

Ван Шо?

Тот самый белая луна?

Он вернулся?

Чи Чэн повесил трубку и медленно повернулся, его темные глаза впились в стоявшего у входа У Шовэя.

— Закрой дверь.

Его голос не был громким, но в нем звучал непреклонный приказ.

У Шовэй сглотнул вязкую слюну и послушно прикрыл за собой дверь.

Тихий щелчок падающего замка прозвучал в излишне тихой комнате оглушительно громко. Словно отрезая два разных мира и одновременно отбивая удары погребального колокола.

— Осмелел, да?

Чи Чэн сделал широкий шаг вперед и начал приближаться к нему.

От него исходила леденящая, агрессивная аура. У Шовэй инстинктивно попытался отступить, но его спина уперлась в ледяную поверхность двери — отступить было некуда.

— Танцевать с другими мужчинами прямо у меня на глазах.

Чи Чэн остановился прямо перед ним, глядя на него свысока, словно оценивая непослушную вещь. — Вэнь Яньчэнь? Го Чэньюй? А ты пользуешься популярностью.

Его тон был совершенно ровным, от этой ровности волосы вставали дыбом.

— Я... я не... — У Шовэй так нервничал, что не мог связать и двух слов. — Это они...

— Они проявили инициативу, а ты и согласился?

Чи Чэн прервал его, протянул руку, ухватил за подбородок и заставил поднять голову: — И три любовных письма еще получил. У Шовэй, ты случаем не забыл, кто ты такой?

Усилие, с которым тот сжал его подбородок, причинило боль, глаза У Шовэя мгновенно покраснели.

— Не забыл... — тихо оправдался он. — Тот белый лист сдал я.

Чи Чэн легко хмыкнул, большой палец, сжимавший его подбородок, чуть потер кожу, а взгляд стал еще опаснее:

— Так ты хочешь сказать, что, если бы была возможность, выбрал бы всех троих?

— Я не это имел в виду! — всполошился У Шовэй. — Я вообще никого выбирать не хочу!

— Вот как? — подушечки пальцев Чи Чэна легли ему на губы, а взгляд оставался тяжелым. — Включая меня?

Дыхание У Шовэя перехватило.

А-а-а-а! Эта атмосфера! Это расстояние! Безумец начинает сводить старые счета!

Включая меня? Боже мой, какой прямой удар! Он занервничал, он занервничал! То, как змееподобный ревнует, чертовски сексуально!

Маленький кролик, отвечай же скорее! Скажи, что включая! Я хочу посмотреть, как он еще сильнее сойдет с ума!

В то же время внизу, в холле.

Цзян Сяошуай, словно загнанный в клетку зверь, раздраженно мерил комнату шагами.

— С ним все будет в порядке.

Раздался голос откуда-то сбоку, и Го Чэньюй протянул ему стакан с водой.

Цзян Сяошуай даже не взглянул на него, с размаху толкнув плечом: — Проваливай! Одного поля ягоды, нет среди вас ни одного нормального человека!

Го Чэньюй вовсе не рассердился, он лишь неторопливо последовал за ним со словами:

— У того парня, Чи Чэна, есть свои рамки.

— Рамки?! Да что он вообще понимает в рамках!

Цзян Сяошуай резко развернулся и гневно уставился на него: — И ты тоже! Что за цирк ты устроил, когда затащил Шовэя танцевать? Разве ты не его прихвостень? Специально пришел посмеяться над ним, да?!

Глядя на покрасневшие от злости уголки глаз Цзян Сяошуая, Го Чэньюй на мгновение замолк, а затем произнес:

— Я просто хотел отвлечь внимание Чи Чэна. Я думал, он придет ко мне, а не...

— А не отправился напрямую выписывать похоронку, верно?

Цзян Сяошуай холодно усмехнулся: — Го Чэньюй, я тебе так скажу: не думай, будто я не знаю, во что играете вы, мажоры. Шовэй не такой, как вы, он не потянет эти игры. Если у тебя осталась хоть капля совести, держись от него подальше!

Го Чэньюй посмотрел на него со сложным выражением в глазах:

— Сяошуай, ты совсем не изменился.

— Не называй меня Сяошуай! — Цзян Сяошуай дернулся, словно кот, которому наступили на хвост. — Мы с тобой не настолько близки!

С этими словами он развернулся и ушел, не желая говорить с этим человеком ни единого лишнего слова.

Го Чэньюй проводил взглядом его спину, и пальцы, сжимавшие стакан, чуть сильнее сжались.

В комнате.

Царила гробовая тишина.

Вопрос Чи Чэна лишил У Шовэя всякого дара речи, и он мог лишь испуганно смотреть на него своими влажными глазами.

Чи Чэн, казалось, остался весьма доволен его реакцией: он отпустил его подбородок и принялся неторопливо вертеть в пальцах какой-то предмет.

Это была полностью черная металлическая зажигалка в форме змеи.

Взгляд У Шовэя помимо его воли приковался к ней.

— Нравится?

Чи Чэн заметил его взгляд, и уголки его губ изогнулись в игривой усмешке.

Он щелкнул крышкой зажигалки, и между ними заплясал пучок синеватого пламени, из-за чего его глаза в темноте показались мрачными и непостижимыми.

У Шовэй резко опомнился и, словно обожженный этим пламенем, торопливо отвел взгляд.

— Твое выступление с номером, — Чи Чэн захлопнул зажигалку и снова прижал его к двери, — было никуда не годным.

— ...

У Шовэй чувствовал, что еще немного — и он задохнется.

— Я дам тебе шанс, — голос Чи Чэна упал до предела, в нем слышалась жестокая усмешка. — Показать номер заново.

— Ка... какой номер? — голос У Шовэя дрожал.

Губы Чи Чэна почти коснулись его уха, а обжигающее дыхание, подобно змеиному жалю, скользнуло по его чувствительной ушной раковине.

— В ту ночь ты ведь прекрасно умел плакать, верно?

Тело У Шовэя в тот же миг окоченело, зрачки сузились.

В ту ночь...

В какую ночь?

Он имеет в виду...

— А теперь, — тонкие губы Чи Чэн скользнули по его мочке, оставляя за собой дорожку дрожи, похожую на искры. — Поплачь-ка мне для разнообразия.

<http://bllate.org/book/19431/1903220>